

ВОЗЬМИ СВОЙ КРЕСТ¹

М. СТУЛБЕРГ

Мириам Стулберг принадлежит к христианской католической общине Дом Мадонны, основанной в Комбермере (Канада) русской изгнанницей и беженкой в годы революции Екатериной Колышкиной де Гук Дохерти, которая привнесла в духовный мир Запада частицу русской православной традиции. Возможно, это сыграло не последнюю роль в том, что некоторых из ее последовательниц, и в их числе Мириам Стулберг, американку по рождению, потянуло к истокам своей духовности, в Россию, послужить ей и разделить с ней ее трагическую судьбу. Именно поэтому в 1993 году они организовали свою маленькую общину в самом мрачном и суровом, в историческом, социальном и климатическом смысле, месте — на Колыме в Магадане.

Мы публикуем здесь главу из книги Мириам Стулберг (Miriam Stulberg) «God Calls Me Miriam» [Madonna House Publications, Combermere, Ontario, Canada, 2009], в которой она со свойственной ей простотой, искренностью, глубиной описывает опыт своего переживания тяжелого недуга — рассеянного склероза, настигшего ее в Магадане и, в конечном итоге, заставившего вернуться в Канаду.

Однако Мириам продолжает сохранять связь с Россией и, преодолевая все трудности заболевания, каждый год приезжает в Москву для встречи со своими друзьями.

Читая эту главу из книги Мириам, мы имеем возможность не только познакомиться с удивительной личностью, приобщиться к истории ее жизни и жизни ее души, но и почерпнуть для себя важный человеческий и духовный опыт, который может оказаться незаменим в психотерапевтической работе.

В 1997-ом году в Комбермере моя жизнь полностью изменилась.

В апреле, во время профилактического осмотра, офтальмолог попросил меня повторить исследование поля зрения. Результаты показали атрофию зрительного нерва в левом глазу, что бывает, в частности,

¹ Перевод с английского Е. Загородной и С. Мазура. Подготовила публикацию О. Филипповская.

при рассеянном склерозе (РС). Принимая во внимание болезнь моего отца и то, с каким трудом я хожу, такой диагноз представлялся достаточным и вероятным.

Я очень неудачно упала однажды, еще в середине 80-х, с тех пор меня все больше мучили боли в нижней части спины. В Магадане приходилось много ходить пешком, и это отнимало у меня все силы. Окружающие стали замечать, что я прихрамываю, но я приписывала это последствиям травмы. О рассеянном склерозе я тогда не думала, поскольку семейный врач успокоил меня, что по наследству эта болезнь не передается.

Когда я вернулась после обследования, Морин, медицинской сестры нашей общины, не было. Я дождалась ее только к вечеру и была очень тронута ее участием. Морин тоже считала, что, к сожалению, основания подозревать у меня рассеянный склероз есть: даже если болезнь не передается от поколения к поколению, полностью исключать генетический фактор не следует. «Глядя, как ты ходишь, — сказала она, — я ловила себя на подобных мыслях».

Самые близкие мои друзья отсутствовали в тот момент в Комбермере. Мария прямо из Магадана отправилась к племяннице куда-то в Новую Англию. Это было даже к лучшему. У меня оказалось несколько дней, чтобы подумать наедине, а потом уже с кем-то делиться.

Весь мой мир перевернулся.

Боже, неужели это правда?

После первого шока мне пришло в голову, что болезнь, если это в самом деле РС, удивительным образом согласуется с тем, чем я жила, что наполняло мое сердце и к чему Бог призывал меня. Совсем недавно я, вместе со всей общиной Дома Мадонны, обновила свое посвящение Иисусу, следуя образу Девы Марии: «Предаю себя Иисусу Христу ..., чтобы вслед за Ним нести свой крест все дни моей жизни». Во время паломничества к местам страданий, лагерям на Колыме, мысль о кресте еще прочнее укоренилась в моем сердце. Последний год я не раз убеждалась в ее особой значимости для меня: близость ко Христу ощущалась острее именно в те моменты, когда меня подводил позвоночник.

Бог как будто призывал меня вместе с Ним подойти к последней черте и целиком предать всю себя в Его руки, полностью доверить Ему свою жизнь. Если у меня действительно РС, я буду вынуждена вскоре покинуть Россию. Эта мысль доставила мне боль, но ее вытеснило переполнявшее меня переживание присутствия Божия, и приоткрывшегося мне Его замысла относительно моей жизни.

Я приняла Его волю, и это было искренне, при том, что я не чувствовала тогда Его любящих объятий. Когда Мария и другие мои друзья вернулись в Комбермер, я рассказала им все, и мы вместе поплакали.

Затем начались хождения по врачам: доктор в Комбермере, невролог в Оттаве, офтальмолог в Питерборо. Последний не соглашался, что мои проблемы с глазом носят неврологический характер, он скорее предполагал врожденный дефект или глаукому с низким давлением.

Для диагностики рассеянного склероза обычно используется магнитно-резонансная томография, МРТ. Хотя в Канаде на МРТ очередь, мне на удивление повезло: в Оттаве, в Городской больнице, началось работу новое отделение МРТ, и мой невролог договорился, чтобы меня посмотрели до его официального открытия. Он собирался в отпуск и не успевал получить мои результаты, поэтому мы условились, что их перешлют в Комбермер, а оттуда мне в Магадан. Он согласился, что мне нет смысла переносить уже назначенную дату возвращения в Россию. В конце концов, рассуждала я, если у меня окажется РС, неизлечимое заболевание, я все равно мало что смогу с этим сделать. По-видимому, надо просто продолжать свою жизнь. Зачем что-то менять?

Мы с Марией планировали вернуться в Россию сразу по окончании нашего ежегодного собрания директоров. Я мечтала познакомить ее с моими друзьями в Москве и Петербурге, показать ей приход отца Александра Меня. Еще мы собирались вместе съездить в Латвию, чтобы Мария смогла увидеть отца Виктора². Мне очень не хотелось отказываться от этих замыслов, и Бог снова проявил свою милость: мы покинули Комбермер, как и намеревались, в конце мая.

Встреча с отцом Виктором стала для нас обоих настоящим благословением. От него словно исходил незримый свет, который касался наших сердец. Его радость, любовь, душевный мир были настолько ощутимы и так очевидно имели неземную природу, что меня охватил порыв духовного вдохновения. Под любящим взором отца Виктора на душе у меня становилось легче и спокойнее. С ним я была свободной и счастливой как дитя. Мы обе с Марией чувствовали, что он до глубины видит каждую из нас.

Прощаясь, я подошла, сложив руки, под его благословение, и он троекратно, во Имя Святой Троицы, обнял меня. Слезы хлынули из моих глаз, но не от прилива чувств, а в ответ на любовь, не похожую на что-либо мне известное прежде.

² Речь идет об архимандрите Викторе (Мамонтове), настоятеле православно-го Свято-Евфросиньевского храма в г. Карсава (Латвия).

Прилетев в Магадан, я не получила результатов МРТ, хотя прошло уже пять недель. Конечно, я хотела их знать, но, как ни странно, диагноз сейчас не беспокоил меня. В моем сердце продолжали звучать слова, которые пришли в те дни, когда у меня только заподозрили РС: «Моя жизнь принадлежит Богу. Это Его дело и Его воля».

Нельзя сказать, что мне было свойственно именно так относиться к страданию. Обычно я эмоционально готовлюсь к тому, с чем мне предстоит бороться. Однако на этот раз Бог поставил меня перед лицом неопределенной духовной перспективы. Есть у меня РС или нет, но Он призывал меня находиться в той точке, где встречаются жизнь и смерть. Меня погрузили в глубочайшую реальность духовной жизни, и я не хотела этого потерять, каким бы ни оказался мой диагноз.

Может быть, это прозвучит странно, но Бог использовал ожидание медицинского приговора, чтобы совершить нечто окончательное и бесповоротное в моей жизни.

Если у меня действительно РС, Его воля очевидна. А если нет, то, как мне жить после того, что Он показал мне? Мне было ясно лишь то, что я должна, сознательно и без колебаний, каждый день поднимать крест, который мне будет предложен. В конечном итоге это и есть Евангелие. Я поняла, что, независимо от диагноза, должна отдать свою жизнь, если не в прямом смысле, пройдя через болезнь и утратив возможность двигаться, то ежедневно принося ее всю целиком Богу.

Я не желала страдания, но я жаждала «желания желания», чтобы боль могла привести меня к соединению со Христом, если я не буду ее избегать, жаловаться на нее или даже только стойко переносить ее. Принять все, что бы ни случилось, как Божью волю — в этом заключалась тайна того духа, который исходил от отца Виктора.

Июнь 27, 1997

В субботу мне передали, чтобы я позвонила в Комбермер. Морин сообщила мне, что по результатам МРТ *рассеянного склероза у меня нет*.

Поразительно, но, казалось бы, радостное известие повергло меня в панику. Снова вернулись напряжение и тревога последних двух месяцев. Я опять осталась один на один с недугом, который никто не может объяснить.

В тот момент я успела лишь кратко сообщить о своей новости другим. Мы как раз собирались большой компанией отправиться на пикник. С нами были двое японцев, сотрудников гуманитарной миссии. Ухватившись за руку одного из них, я ковляла по ухабистой дороге. Только когда все уже спустились вниз, к морю, я дала волю слезам.

Унизительно настолько не владеть собой, чувствовать свою ранимость и беззащитность. Мне хотелось бежать от этих эмоций, но я знала, что Бог призывает меня оставаться на месте и учиться переносить их.

Мария предложила мне сходить к врачу, нашему другу, может быть, он даст совет по части ортопедии. Ненавижу всю эту медицинскую карусель здесь, но что-то делать надо. Как бы это ни называлось, но мне явно становится все хуже и хуже.

Июль 4, 1997

Духовный вызов лагеря — искать жизнь посреди смерти. У человека там было отнято все — талант, способность творить, стремление к созиданию. Может быть, наша жизнь здесь, в Магадане, с ее лишениями, намечает путь искупления. Мы не можем накормить всех голодных. Нам не под силу переубедить тех, кто тоскует по мнимой защищенности при социализме. Все, что мы можем — предстать перед Святыми Дарамми, перед самим Господом, который «не дремлет и не спит» [Пс. 120/121], и просить Его принять как жертву жизнь каждого из нас.

Но готова ли я к такой жертве? Этот вопрос я задавала себе вчера, после того, что нам рассказала Нина. В прошлом месяце она была в Польше на Евхаристическом конгрессе, и одна из участниц магаданской группы высказала решимость на год отказаться от спиртного ради своего сына. «И я, — сказала Нина, — ради сына отказалась от спиртного на всю жизнь».

Нечто естественное и цельное, лишненное всяческого расчета, что стояло за этим движением, ошеломило меня. Нет никакого «слишком», когда дело касается ее Толи.

Вот так и я должна жить!

Июль 11, 1997

Отец Майкл сказал нам, что в молитве спрашивал Бога, как нам явить свое единство с жертвами лагерей ГУЛАГа? И пришел ответ: «Обратись к Пресвятой Деве. Она наставит тебя. Она сама была жертвой».

«Мы не *делаем* ничего, чтобы стать жертвами, мы *принимаем* Жертву», — сказал он. «Мы призваны не подражать внешне Христу, но становиться Христом (соединяться с Ним). Мы принимаем Его в тех, кто стал жертвой. Наши сердца должны быть расчищены, чтобы принять».

Июль 18, 1997

Целый день я ходила по врачам. Здешний невролог все-таки считала, что у меня имеются клинические признаки РС. Я не отрицала ее мне-

ние, но ссылалась на то, что в Канаде даже с помощью самых современных методов диагностики у меня не нашли РС. Я не знала, как по-русски называется МРТ, а она явно не была знакома с этой процедурой. Она предложила мне лечь на обследование в местную больницу.

Ситуация неопределенности намного тяжелее, чем сам приговор. Так есть у меня РС или нет? Можно ли окончательно доверять МРТ? Что лучше — продолжить обследование в Канаде или пройти его доступными средствами здесь? В чем воля Божья?

Я слишком остро реагирую на все вокруг. Это проявление моей тревоги. А под тревогой скрывается страх.

Отец Майкл дал мне совет, как пережить это время неопределенности и душевного смятения. Он сказал, чтобы я держала «духовный термометр» на той глубине своего сердца, где хранятся мои обеты. «Даже если ты не чувствуешь в себе отклика, сделай это усилием воли».

Субботним вечером во время молитвы перед Святыми Дарами я сказала Господу в безрассудном порыве, что хочу соединиться с Ним, как бывало в минуты страданий. Я знаю, что это был рискованный шаг, но пока мой разум твердил: «Это безумие», что-то другое, более глубокое во мне подталкивало меня вперед.

В начале ноября мы, как и в прошлые годы, закончили засолку капусты. Заготовив 185 кг (для себя и для отца Майкла с отцом Давидом, чтобы они распределили ее между нуждающимися прихожанами), мы должны были теперь перетащить в подвал 35 трехлитровых банок.

Все еще неуверенно ступая после болезненного падения несколько дней назад, я с ужасом спускалась по лестнице с тяжелыми банками в каждой руке.

На следующий день мы обедали на кухне вместе с Марией. Я ощущала слабость и испытывала потребность в белковой пище, но у нас не было ни сыра, ни арахисового масла, а последнее оставшееся яйцо я не хотела брать. Пришлось положить вторую порцию морской капусты. Это блюдо, хотя оно питательное и даже вкусное, если его правильно приготовить, никогда не пользовалась у нас особым успехом. Мария заподозрила неладное и сварила мне наше единственное яйцо. Мы решили, не откладывая, обсудить мою ситуацию.

Час спустя было принято решение — ехать в Комбермер и там проходить медицинское обследование, а не делать его здесь.

На следующий день я стояла у окна и смотрела, как местные молодые и прекрасные женщины ловко спускаются по крутой тропинке вниз и пересекают двор. Я представила себе, как бы сейчас неуклюже ковыляла я. Слезы лились и лились.

Что это? Переживание горя? Жалость к себе?

Через неделю я зашла в поликлинику, чтобы получить результаты анализов крови. Они оказались в норме. Но мои нервы были настолько напряжены, что, когда врач снова упомянула о «моем рассеянном склерозе», я едва сдержала себя. Она сказала, что ей известны случаи, когда картина болезни развивалась так же, как у меня. Она была уверена, что я просто не желаю видеть правду.

Дома все собирались в гости на 70-летие Брониславы. Мы с Марией вышли заранее и стали подниматься по улице Ленина. Я сказала, что с облегчением думаю о решении не ложиться на обследование в Магадане. Я бы этого не вынесла. Пересказывая свой разговор с врачом, я вдруг обнаружила, что стою посреди улицы и обливаюсь слезами. Мария увела меня в подворотню, и я постепенно справилась с собой. Однако я чувствовала себя очень неуверенно и всю дорогу держала Марию за руку.

Когда я рассказала об этом отцу Майклу, он сказал, что знает способ справляться со страхом. «Я научу тебя, — пообещал он. — А сейчас будем молиться о милости. Милость переносит нас по ту сторону испытания крестом, пред лицо Божие».

Позже, в молитве перед Святыми Дарами, я обратилась ко Христу: «В эту минуту из-за страха я не чувствую своего сердца, но я уже не раз вручала Тебе свою жизнь. Я и теперь заявляю об этом, и прошу Тебя: прими то, что уже было принесено Тебе».

Ноябрь 18, 1997

Отец Майкл сказал, что я нахожусь в самом центре той главной битвы, что идет во мне между верой и страхом. Надо начать с того, чтобы признать в себе это чувство — страх, а затем от него обратиться к Богу. Словно ты разговариваешь по телефону, и вдруг слышишь стук в дверь. Тогда ты говоришь своему страху: «Прости, но у меня больше нет для тебя времени. Господь здесь. Он желает меня видеть».

Когда я описала всю муку и унижение, связанное с моим физическим состоянием, отец Майкл сказал, что я стою прямо перед крестом, но что по другую его сторону — полное освобождение и радость от близости к Возлюбленному Господу.

Благодарность — это акт, который делает нас свободными. Он сказал, что не надо принуждать себя к этому, надо просто сделать в своем сердце малое движение в сторону благодарности.

Вчера я упала на льду, и не успела перевести дух, как меня стали поспешно поднимать. Я бросила несколько резких слов Марии и Суши,

не сразу сообразив, что это не они, а какой-то прохожий русский пытается помочь мне встать. Увидев мою реакцию, он сразу удалился. Мария и Суши в молчании проводили меня до дому, а я всю дорогу боролась со слезами. Действительно, идти было скользко всем, но свалилась одна я. Этот случай лишний раз напомнил мне, что болезнь превращает меня в калеку.

Декабрь 19, 1997

Весь год мы обсуждали тему близости Господа в страдании. Мысль, которая может быть и пугающей, и сладостной. Я все еще страшусь боли, хотя теперь у меня есть опыт близости к Богу в такие моменты, и я знаю, что это источник жизни, который просто невозможно себе представить.

Я не знаю способа, которым мой разум мог бы принять страдание. Я могу лишь идти от сердца, откуда я говорю Господу: «Я люблю Тебя», без анализа, рефлексии, оценки возможных последствий своих слов. Мое сердце говорит: «Я люблю Тебя», не задумываясь о том, могу ли я за это отдать жизнь. До чего же оно безответственно и доверчиво! Верит, что все исходящее из него — правда.

Мое сердце говорит: «Господи, я принимаю крест с любовью, доверием, благодарностью и благоговением. Я хочу быть с Тобой. Хочу знать Тебя, как познала Тебя в моменты, когда меня особенно мучила моя спина, и я подозревала, что это рассеянный склероз. Я знаю, что нет другого пути — только через несение креста. Я принимаю Твои условия. Принимаю их ради себя, чтобы познать Тебя, ради всех наших друзей в Магадане, ради России, ради Дома Мадонны и ради Церкви, восточной и западной».

Февраль 1998

В Комбермере мы сели с Морин и составили, наконец, план действий, чтобы выяснить, из-за чего мне так трудно передвигаться. Тревога то возвращалась, то уходила. Я пошла к тому же специалисту, который смотрел меня год назад. Он провел со мной обычное неврологическое обследование и, к моему великому облегчению, обещал направить меня в Оттаву, в Центральную больницу.

Утром после прибытия в больницу мне сделали МРТ, и во второй половине того же дня результаты были готовы.

«У вас рассеянный склероз», — сказал мне доктор.

Трудно поверить, но я, почти год догадываясь об этом, оказалась захвачена врасплох врачебным приговором. С собой у меня было

несколько книг и вышивание, чтобы занять себя, пока будет идти обследование, а также деньги на случай, если мне разрешат покинуть больницу на выходные. По российской привычке я взяла довольно крупную сумму наличными, и сестры в неврологическом отделении всполошились и настояли, чтобы я положила деньги в сейф. Все эти хлопоты отвлекли меня, и на какое-то время я забыла, как много стоит на кону.

Тем не менее, я все-таки была не в себе.

Мне разрешили уехать домой. Я позвонила в Дом Мадонны. Чтобы приехать за мной из Комбермера, Морин понадобилось бы не меньше двух с половиной часов. Я была как в тумане, пытаюсь справиться с потоком эмоций, нахлынувших на меня. Спустилась вниз, взяла деньги, которые только вчера положила в сейф. Отнесла ключ на стойку администратора. У лифта я вдруг заметила указатель с надписью «Часовня». Не раздумывая, я устремила туда.

Я ожидала увидеть помещение для межконфессиональной молитвы, но к моему удивлению здесь были Святые Дары. Словно Сам Бог ожидал меня здесь. Я упала на колени и услышала в своем сердце: «Я даю тебе дар, о котором ты просила. Теперь мы соединимся с тобой навсегда».

Морин примчалась в больницу в рекордные сроки. Войдя в палату, она прижала меня к себе. Я разрыдалась, но за слезами стояло принятие — плод тех слов, которые прозвучали в часовне. Морин повела меня поужинать в ресторан и заказала омара и много вина. Она ответила на все мои вопросы про РС с прямотой, которую я очень оценила.

Ночь мы провели в Оттаве, а утром поехали домой. Едва свернув во двор Дома Мадонны, мы увидели идущую нам навстречу Джин, которая руководила женским отделением нашей общины. Я бросилась к ней. В глазах у нее стояли слезы. Морин выскользнула из-за руля, так, чтобы Джин могла занять ее место, и по дороге к моему корпусу я ей все рассказала.

Когда я открыла ей то, что произошло в больничной часовне, ее глаза снова наполнились слезами. «Мириам, — сказала она, — ты отдала Ему все. Мысли, чувства, а теперь свою плоть. Он не оставит тебя». Я чувствовала ее любовь, заботу, сострадание. И боль.

Поднимая крест

Когда самолет приземлился в Магадане, я прижалась лбом к иллюминатору и заплакала от счастья.

Все в Магадане казалось мне прекрасным: студеный ветер и синее северное небо, маленький замызганный аэропорт, уродливая улица с названием Пролетарская, наш дом с облупленными стенами, испи-санная дверь, знакомые ступеньки и, наконец, наша квартира. После длительного отсутствия она всегда кажется сперва такой маленькой и тесной. Вот я и дома!

Мария отвела мне самую укромную кровать в нашей спальной комнате. Покрытая новым толстым и мягким одеялом, она согревала уже одним своим видом.

Она показала мне письмо, которое получила от Джин:

«Мириам потребуется особый режим. Она должна много отдыхать, спать днем, пораньше ложиться вечером, и вообще прислушиваться к своему самочувствию. Геройский аскетизм — это не то, чего Бог ждет от нее сейчас. Постарайся убедить ее по возможности добираться до церкви на автобусе».

Все это Джин говорила и в Комбермере. Но для меня ее слова были как нож в сердце. Я не хотела менять свой уклад — я любила нашу жизнь! Мне нравилось проходить духовные испытания, преодолевая свои физические ограничения. Мне хотелось отдавать себя, но Джин сказала, что Божья воля в том, чтобы в России я вложила свои силы в издательскую деятельность, а «не стала калеккой через два года!».

«Я не говорю тебе, чтобы ты занималась собой, — пояснила она. — Это было бы действительно ужасно. Я говорю тебе: позаботься о своем теле».

Мое состояние нельзя было назвать ровным, но бунта я не испытывала. Скорбь — да, вместе с тревогой, смятением и упрямством. Закричи я: «Не хочу жить с рассеянным склерозом!», меня бы понял каждый. Но в самой глубине моего существа уже скрывалось принятие. Все по-настоящему ценное для меня было связано с духовной реальностью. Я зашла уже слишком далеко, чтобы теперь отвергать крест.

Отец Майкл начал открывать мне «малый путь» святой Терезы из Лизье. Суть его в том, чтобы посвящать Господу абсолютно все, что с тобой происходит. Например, когда я заявила отцу Майклу, что не хочу пользоваться тем, что доступно мне и недоступно другим, он твердо сказал: «Ты все будешь возвращать назад Богу, в точности так, как это делала маленькая Тереза, не оставляя ничего для себя. Посвяти свой отдых тем, кто не имеет его. Принимай медицинскую помощь ради тех, кто ее лишен. Делай все по послушанию, и путь страданий станет путем ходатайства за других».

По моим щекам заструились слезы: «Я так боялась оказаться не понятой! Я боялась, что буду отрезана от того, чем живут остальные. Как я вам благодарна!».

Март 31, 1998

Было время в моей жизни, когда я считала удачей возможность выспаться утром, отдохнуть после обеда и закончить все дела до девяти вечера. Почему же сейчас я чувствую себя так, словно на меня надели смирительную рубаху?

«Ты потеряла свободу», — заметила Мария, и добавила, что я потеряла одну свободу, чтобы обрести другую. Позже мне пришло в голову: «Ты в рабстве у креста».

Как я могла внезапно так ослабеть? До поездки в Комбермер я каждый день пешком добиралась до церкви и обратно, а сейчас я еле преодолеваю дорогу в один конец. Мария говорит, что я, наконец, дала себе разрешение чувствовать усталость.

Мне это не нравится, но у меня нет выбора.

Я раба Господня. Раба Владычицы нашей Пресвятой Девы Марии.

«Куда ты пойдешь, туда и я пойду» [Руфь. 1: 16].

Среда Страстной недели, апрель 8, 1998

Вчера мы пекли куличи. Точнее, этим занимались другие, у меня был день молитвы. Поскольку время и силы у нас на вес золота, Мария решила в этом году испечь меньше куличей, чем обычно, и только для наших гостей, а не для раздачи, как мы делали это прежде.

Я страдаю, что не могу участвовать наравне со всеми. И это плохо. Но я больше не хочу ничего менять! Не хочу терять такой близкий и родной мир вокруг меня!

Когда мы позже говорили об этом с Марией, она сказала поразительную вещь. На протяжении многих лет я полагала, что тяжелобольной человек является дополнительным бременем для активной миссионерской общины. Я считала самоочевидным, что, оставшись в Магадане с моим недугом, я должна жить как можно более незаметно, чтобы не усложнять никому жизнь. Однако Мария рассматривает мою болезнь не как препятствие для нашего служения, а как средство, которым Бог указывает нам новое направление развития. Он призывает нас посвятить Ему нашу жизнь целиком, отказавшись от менее существенных дел, таких, например, как выпечка куличей для раздачи.

Слова Марии напомнили мне реакцию одной из наших подруг, когда обнаружилось, что ее незамужняя дочь беременна: «Мы не станем делать вид, что ничего не случилось. Наша жизнь изменится. Мы примем этого ребенка и будем любить его. Посвятим нашу жизнь любви и заботе о нем».

Вот она, русская душа! Сердце христианина! Какое благословение для нас, что наши собственные сердца открываются через страдание.

Мы слиты, наши жизни нельзя разделить. Мы призваны отдать жизнь друг за друга. Вместе меняться, вместе отвечать на Божий призыв, который раскрывается нам через жизненные обстоятельства. Русские это понимают гораздо лучше нас, американцев, с нашим индивидуализмом. Я сама только начинаю это понимать.

Целью подвижничества, духовного подвига должны быть любовь и сострадание, иначе все впустую.

Я лишь немного прикоснулась к этому вечером следующего дня, когда после Мессы ехала на автобусе вместе с Дарьей, может быть, одной из самых беднейших здесь. Все наши пошли пешком. Я испытала такую внутреннюю боль, что в тот момент сделала единственно возможное — дала ей излиться в потоке нежности к Дарье. Пусть это было всего лишь мгновение, но я стояла на верной позиции — позиции сердца.

В Страстную пятницу я споткнулась и упала по дороге в церковь. «Как кстати, — грустно думала я, отряхивая пальто от снега. — Иисус тоже трижды падал под тяжестью креста». Это был день без утешения. Но литургия освободила от всего, оставив только реальность Христовой жертвы.

Потом, в пустой церкви, я опустилась на колени перед Святыми Дарами, и в присутствии отца Майкла и Марии в качестве свидетелей посвятила свою болезнь Иисусу Христу со словами, которые пришли ко мне в пустыне³:

Эта болезнь подобна завету. «Я дал тебе дар, о котором ты мечтала. Теперь ты едина со Мной навеки».

Это печать любви в моей плоти. Бог по своей милости дал мне эту болезнь, потому что Он знает мою слабость, но знает и стремление моего сердца. Я больше не могу убежать от Него, Того, от Кого я не хочу убежать. Даже мои грехи не отдалят меня от Него. Меня, бежавшую от креста и теперь прикованную ко кресту цепями любви. Я, которая безотчетно искала у других поддержки и опоры, принуждена теперь встать рядом с Ним в одиночестве, которого никто, кроме Него, не может со мной разделить.

Теперь я хочу со своей стороны подтвердить этот завет. Я посвящаю Богу свою болезнь. Я принимаю ее всем своим сердцем, я приношу ее за тех, кто страдал в лагерях на Колыме и по всей России. Я приношу ее во искуп-

³ *Пустыня* — так называют особое помещение, куда человек может удалиться на день или два, чтобы побыть наедине с Богом, и, одновременно, саму молитвенную практику уединенной молитвы и чтения Евангелия, принятую в Доме Мадонны (*Прим. ред.*).

ление зла и страданий на этой земле. Я приношу ее во имя очищения и возрождения Католической и Православной церкви в России. Я приношу ее ради защиты и благословения нашего маленького прихода в Магадане. Я приношу ее ради всех священников в этой стране и отдельно ради нашего отца Майкла и отца Давида. Я приношу ее ради всего Дома Мадонны.

Это много для одного маленького человека, но теперь я не так боюсь больших целей. Я не могла бы отвечать за свои слова, опираясь я только на свои силы. Но я верю, что с благодатной помощью все возможно, и что жить в Духе совсем не то, что быть одухотворенным и возвышенным. Во мне еще остается страх, но я открыто произношу эти слова, потому что могу поручиться верностью самого Бога.

«... одним целым с ними — одним целым со Мной»⁴

Во время пасхальной литургии один прихожанин устроил скандал. Я так и не узнала, что спровоцировало эту вспышку, но Нина, сидевшая рядом с этим человеком, позже заметила: «Люди живут в состоянии такого стресса и с таким количеством неразрешимых проблем, что доходят до той грани, когда чаша терпения переполняется. Тогда происходит взрыв. После этого они могут жить дальше».

То же чувство отчаяния и безысходности возникло опять, когда мы сидели вечером за пасхальным столом. Гости разошлись, и отец Майкл негромко заметил: «Ситуация здесь, в России, буквально сводит людей с ума. Мы не в силах ее исправить. Единственное, что мы можем сделать — это пойти на самопожертвование».

Прошло уже несколько месяцев, с тех пор как бюджетникам, в том числе учителям и медработникам, в последний раз выплатили зарплату. Полина пришла попросить денег, не для себя, а для нашей общей знакомой Ларисы. Они обе учительницы. Лариса сейчас в больнице, ждет операции, но операцию сделают только тогда, когда она купит необходимые медикаменты.

«Работаем бесплатно, как рабы, и даже антибиотики должны выпрашивать!», — Полина едва не плакала. «Я не хотела к вам идти, но больше пойти не к кому. Деньги есть только у вас!».

⁴ Цитата из «Маленькой Заповеди» Екатерины Колышкиной де Гук Дохерти — краткого изложения в поэтической форме основных духовных принципов общины Дома Мадонны (*Прим. ред.*).

А я еще жаловалась, что чувствую себя униженной!

После рассказов Брониславы и Ольги (пожилой женщины, тоже бывшей узницы ГУЛАГа, с которой мы сблизились в последнее время) о голоде в лагерях, мы больше никогда не используем выражение: «Я умираю от голода!». Увидев ледяные камеры на сайте, посвященном ГУЛАГу, мы поклялись никогда не жаловаться на холод. Так и я должна посвятить свои собственные, такие незначительные, уколы унижения Полине, Ларисе и всем остальным.

Светлая суббота, апрель 18, 1998

Я спросила отца Майкла, как посвящать боль.

Он ответил: «Принимай ее. Ощущай ее. Пусть она будет твоей жертвой ради Христа».

Я сказала ему о своих страхах, что РС может повлиять на мой разум. Помолившись, он ответил: «Почувствуешь страх — сразу обратись к Богу, вручи Ему свою жизнь. Посвяти Ему это мгновение. Все, что тебя отвлекает в этот миг — искушение».

Я поняла, что мне важно научиться жить сердцем сейчас. Ноги могут мне отказать. Глаза могут мне отказать. Разум может мне отказать. Если мое сокровище — разум, это будет означать, что я умерла. Но если жизнь моя сосредоточена в сердце, я буду в полной мере жива.

Июль 22, 1998

Я не хочу думать, как я выгляжу, когда ковляю на своих заплетающихся, непослушных ногах. Теперь я тоже одна из убогих. *Господи, помоги мне увидеть это как благодать. Ты, который «столько был обезображен паче всякого человека» [Ис. 52: 14], открой мне тайну нищих, калек, «бомжей», тех, кто умирал голодной смертью в лагерях, кто потерял все, но не свой человеческий облик.*

Страх, неуверенность, унижение, одиночество, лишения — это участь, которую я выбрала и приняла. Когда я вспоминаю об этом, то ощущаю прилив благодати Божьего дара — нашего с Ним завета — и она покрывает меня и дает мне свободу.

Вчера, на автобусной остановке, одна бабушка подала мне яблоко!

Август 31, 1998

Иногда я ощущаю, словно в мое тело заложили бомбу замедленного действия, готовую вот-вот взорваться. У меня бывают искушения, пока я еще двигаюсь, взять от жизни побольше. Например, я хочу наслаждаться летним солнцем и красотами где-нибудь на даче. Но я при-

звана жить одним днем, ничего не откладывая на будущее. Вот слова, которые мне явились недавно, когда я страдала от боли: *«Я хочу использовать это время, чтобы подготовить твоё сердце»*.

Почему же тогда я так безудержно плачу? Почему у меня такое чувство, словно из меня вынимают душу?

Если бы Мария не предложила мне поговорить на следующий день, смогла бы ли я устоять в этом страдании до поры, пока оно не поставит меня пред лицом Того, Кого любит мое сердце?

Кризис 1998 года

17 августа 1998 года произошла девальвация рубля, страна потерпела дефолт. В сентябре за доллар давали 21 рубль, а потом курс упал до 15. Банки перестали работать, цены на продукты выросли в два раза. Люди начали хватать в магазинах все подряд. Товарные склады закрылись на переоценку, прилавки опустели.

Премьер-министр был уволен в отставку. Говорили, что пенсионные фонды разорены; пациенты в больницах должны были сами заботиться о своем питании. Опасались дефицита продовольствия и запасов угля на зиму. Учителя были вынуждены продолжать работать, не надеясь, что получат зарплату. В августе, как всегда, произошло плановое отключение горячей воды, но, по слухам, на неопределенный срок, в лучшем случае, до ноября. В поселках на Колымском тракте сложилась, как было сказано, критическая ситуация.

В своем сердце я слышала: *«Посвяти себя»*.

«Да! Я готова», — беззвучно отозвалась я.

Теперь моим тайным оружием была не только моя плоть, им была вся моя жизнь.

Октябрь 22, 1998

В течение этих, наполненных беспокойством и молитвами недель, Господь учил меня не уделять много внимания тому, как я себя чувствую. Я учусь быть благодарной Ему, когда я чувствую себя плохо и когда я чувствую себя хорошо. Дело не в том, как ты себя чувствуешь, главное — отдавать Богу всего себя целиком.

В этой болезни для меня есть Его воля. Да, боль еще вернется, как и простое желание быть способной, как все, надеть пальто и выйти на улицу. Однако и принятие есть: хрупкое, но настоящее.

Я, наконец, поняла то, чего никак не могла ухватить с тех самых пор, как мне поставили диагноз. Большую часть нашего времени в Магадане мы стремились полнее продвинуться в попытке жить по Евангелию.

Неожиданно оказалось, что от меня требуется совсем другое: разрешить моему телу делать свой выбор и не стремиться преодолевать границы физических возможностей. Теперь я понимаю, что в одном случае речь идет о волевом акте, а в другом — о принятии Божьей воли, когда работа творится Его благодатью. Святая Тереза сравнивала это с использованием лифта вместо лестницы, по которой приходится взбираться вверх ценой немалых усилий.

Ноябрь 18, 1998

Город располагает лишь третью необходимых запасов угля, по этой причине топят еле-еле, с трудом замечаешь, что отопление вообще есть. Сейчас, когда наступили настоящие холода, мы спасаемся электрообогревателями, что будет дальше, никто не знает.

Вчера, беседуя на кухне с Людой Яретик, я сидела спиной к окну. Мне становилось все холоднее и холоднее, но не хотелось прерывать разговор своими перемещениями. Обычно, когда батареи едва теплые, мы согреваемся электродуховкой. Я не сообразила, что Труди отключила ее. Люда, сидевшая в пальто, видимо, не почувствовала никакой разницы. Но, когда она ушла, мои окоченевшие ноги были как две ледяные глыбы. Только часа через два, с помощью электрообогревателя и бутылки с горячей водой, мне удалось согреться.

Воспоминание о ледяных камерах на этот раз не помогало: я не могла даже вообразить страдание такой силы!

Декабрь 1, 1998

Ночные спазмы в ногах становятся все сильнее и продолжительнее. Марию тревожит мысль, что холод скажется на моей болезни, не лучше ли мне вернуться в Комбермер сразу после Нового года. Но как бы сильно я не боялась холода, еще больше я боюсь оказаться вдали от всего того, что есть здесь и что дает мне мужество держаться.

Однажды вечером, когда мы обсуждали кризис в городе, Мария обратилась к Труди: «Если дела пойдут еще хуже, ты останешься?»

«Постараюсь все для этого сделать», — ответила Труди, слегка улыбнувшись.

А меня уже никто и не спрашивает! И понятно — мои мышцы даже сейчас заоченели от холода и сведены судорогой. Хотелось расплакаться.

«Уехать — это тоже пожертвовать собой», — сказал позже отец Майкл. И добавил: «Для нас важно, что ты это делаешь». Казалось, это должно было меня утешить, но подтекст его слов, что я уже не одна из «нас», был мне как нож в сердце.

А спустя несколько дней мы сидели на кухне вокруг стола и вдруг заметили, что в квартире потеплело! Топить стали лучше, и уже не требовалось специально собираться с духом, прежде чем выйти из нагретой электрорепечной комнаты в прихожую.

Жуткие холода отступили. Я сняла один слой теплой одежды, дома стала носить тапочки вместо валенок и могла опять передвигаться по комнате, не вступая в предварительные переговоры со своими ногами. Все ждали, что уголь скоро начнут подвозить.

По-видимому, мне дали отсрочку, но я уже начинала понимать, что мой протест против отъезда из Магадана отдаляет меня от Бога.

«Я не могу согласиться уехать», — сказала я как-то отцу Майклу.

«Мириам, ты должна, — ответил он. — Иначе все твои жертвы обрываются в прах, покроются коростой своеволия и страха. Но своими силами с этим не справишься. Молись о благодати. Страху противостоит доверие».

В середине января я уехала в Комбермер за медицинскими назначениями. Согласно обратному билету я должна была вернуться в Магадан через два месяца, но Джин советовала лететь после Пасхи, чтобы отдохнуть и приспособиться к лечению. Этим мне меньше всего хотелось заниматься! Когда я позвонила в Магадан Марии и Труды, с ними оказался отец Майкл и ему дали трубку. «Бог сокрушает твою волю, потому что она сильна, и твой разум, который любит строить планы. Он просит тебя отдать Ему то, что тебе дороже всего — твое желание быть в Магадане. Он хочет быть твоим единственным утешением».

Его слова сломили мое сопротивление. То, что я считала изгнанием, стало приглашением. Я осталась в Комбермере, потому что так хотел Господь.

Вскоре я получила письмо от отца Майкла.

Март 5, 1999

Дорогая сестра!

Читая твоё письмо, я молился и чувствовал, что идет битва с твоей волей. Мириам, это письмо будет о смерти. Ты должна помнить, что теперь у тебя нет ничего своего. Все принадлежит Возлюбленному Господу. Твое тело теперь не твое, твоя воля — не твоя, твое будущее — не твое, твоя жизнь — не твоя. Твоего ничего нет. Это действительно битва.

Ты должна помнить, дорогой друг, у тебя нет ничего. Когда ты действительно помнишь об этом, я вижу, как чувство свободы и радость искрываются в тебе. Когда у тебя ничего нет, тогда тебе нечего терять, а поэтому нечего бояться и не за что бороться. У тебя есть свобода любить,

где бы ты ни была, и быть бедной, маленькой, и быть объектом милосердия для других.

Я вижу, что смерть — это ключ к твоей борьбе. Мириам, рано или поздно, тебе придется умереть, так что устремись в объятия Иисуса, отдай ему все и ничего не проси для себя. У тебя нет другого пути. Ты на кресте, но в этом твоя радость. Дозволь смерти стать твоим образом жизни, дозволь сердцу ликовать каждый день: «Я ближе к Тому, по Ком тоскует мое сердце. Возьми мое тело, мою волю, мои страхи. Я ничего не хочу, кроме Него, одного Него в моем сердце». Ничто другое не может отныне утолить твой голод, а искушение держаться за будущее, прошлое, или за свое «Я» повергнет тебя в еще большее замешательство и тревогу. Отпустить прошлое, отпустить будущее и собственное «Я» означает обрести мир и совершенную радость.

Итак, дорогой друг, с которым я вместе страдаю, давай просто умрем сейчас, сегодня. Отдай все; нет никакого смысла в борьбе. Он в твоём сердце, и ты принадлежишь Ему. Дай Ему любить тебя в смерти, и живи для Него сейчас и вовеки. Ведь это именно то, чего ты хочешь.

Я с тобой в молитве, и я знаю, что Он поручил тебя своей Матери — может ли быть компания лучше?

Умереть здесь, умереть там, ПРОСТО УМЕРЕТЬ! И помни: у нас есть все, что нужно, для распятия. Разве это не здорово?

С любовью, отец Майкл

TAKE UP YOUR CROSS

MIRIAM STULBERG

The author belongs to a catholic community «Madonna House» (Canada), and also she is one of the founders of other Christian community in Magadan, Russia, that was settled at 1993. A chapter of the book «God calls me Miriam» is published which is devoted to the author's experience of multiple sclerosis, that had brought her back to Canada. Though Miriam still sets wide connections with her Russian friends, overcoming the boundaries of this illness. Her text not only presents her one deep personality and life history but also describes her view on the phenomenon, that are important in psychology counseling.